

Шоколадный резонанс

Gyatt Rizzler

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Gyatt Rizzler

Шоколадный резонанс

«Автор»

2026

Rizzler G.

Шоколадный резонанс / G. Rizzler — «Автор», 2026

Одна капля глазури с пончика запустила процесс — и половина пустыни превратилась в озеро шоколада. Трое выживших — немой лаборант, бывший начальник охраны и сумасшедший профессор — спускаются в самое сердце катастрофы, чтобы с помощью безумного прибора, работающего на теории дырочности, перекрыть исток. Горько-сладкая история о вине, искуплении.

© Rizzler G., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сладкий апокалипсис	5
Глава 2. Город на обочине ада	9
Глава 3. Бунт на краю платины	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Gyatt Rizzler

Шоколадный резонанс

Глава 1. Сладкий апокалипсис

Позже, когда комиссии будут разбирать, как именно семь тысяч квадратных километров пустыни Невада превратились в десерт, все сойдутся в одном: началось всё скучно. Катастрофы вообще редко начинаются красиво. Они начинаются с бумажки, подписанной не тем человеком, или с кнопки, нажатой не в ту секунду.

В случае «Серой мезы» это была спора.

Одна-единственная спора инопланетного гриба, привезённая с образцами метеоритного грунта, лежала в герметичной чашке Петри в подземном секторе исследовательского комплекса. Её изучали три месяца. Она вела себя вежливо. Она не делала ничего — до того утра, когда что-то в её холодном инопланетном веществе вошло в так называемый **шоколадный резонанс**.

Учёные потом спорили о термине. «Шоколадный» — потому что конечный продукт по химическому составу, вкусу и, что важнее, по запаху был неотличим от молочного шоколада средней паршивости. «Резонанс» — потому что процесс был самоподдерживающимся: гриб перестраивал любую органику и часть неорганики вокруг себя в сладкую коричневую массу, и чем больше массы становилось, тем быстрее шёл процесс.

К обеду первого дня резонанс заполнил шоколадом этаж с лабораторией.

К вечеру — большую часть подземного комплекса.

К концу недели из-под земли, вспучив пустыню, как вздувшийся пирог, поднялось то, что журналисты немедленно окрестили **Великим Шоколадным Озером**. Десятки метров глубиной. Местами — застывшая глянцевая корка, по которой можно было ходить, если не бояться провалиться. Местами — тёплая жидкая толща, медленно дышащая, пускающая пузыри, пахнущая детством и концом света одновременно.

И оно росло. Медленно — по несколько метров в сутки. Но неотвратимо.

Спутниковые снимки облетели планету. С орбиты Невада выглядела так, будто бог-кондитер уронил на карту ложку глазури и не стал вытирать. Мемы писались быстрее, чем учёные — отчёты.

Учёные, к слову, были бессильны. Ударные заморозки не помогали — масса отогревалась. Химические реагенты тоже. Военные предложили единственное, что умели предлагать военные, — «а если ядерной бомбой?», — но им объяснили, что взрыв просто разбросает шоколад по трём штатам, и тогда шоколадным станет не озеро, а континент.

Оставалось одно. То, что человечество умело делать лучше всего, когда не знало, что делать.

Строить стену.

Президент **Джон Хайд** объявил зону бедствия угрозой национальной безопасности из Овального кабинета, глядя в камеру тем тяжёлым, немигающим взглядом, который его избиратели называли «взглядом настоящего мужика», а его противники — «взглядом человека, который не до конца понимает, где находится».

— Мы возведём барьер, — сказал Хайд. — Величайший барьер в истории. Стену, которая сдержит эту... эту дрянь. И за неё заплатим не мы. За неё заплатит гриб.

Как именно гриб, лишённый и кошелька, и рук, будет платить за строительство, президент не уточнил. Но фраза хорошо легла. Рейтинги качнулись вверх.

Хайд был популистом до мозга костей — но в одном ему нельзя было отказать: в этот раз он верил в то, что говорил. Его кампания строилась на двух лозунгах — «Америка для американцев» и «Смерть коррупции», — и оба он произносил с искренностью человека, которого предали слишком многие и слишком рано. Шоколадный кризис он воспринял почти с благодарностью: наконец-то катастрофа, на фоне которой можно быть принципиальным.

Проблема была в том, что принципиальность не заливает бетон. Бетон заливают люди. А людей нанимают подрядчики.

Контракт на **Периметр** — так официально называли стену, огромное кольцо из бетона и композитной «платины» вокруг растущего озера — оценивался в цифру с таким количеством нулей, что бухгалтеры произносили её шёпотом. Контракт достался консорциуму строительных корпораций, крупнейшую из которых, «**Континентал Инфраструктур**», возглавлял человек по имени Дуглас Прайс — старый друг, однокашник и, как говорили злые языки, кошелёк губернатора Невады.

Губернатор **Роберт Моррисон**, демократ, гуманист и обладатель самой сострадательной улыбки к западу от Миссисипи, столкнулся с той же проблемой, что и все стройки века: рабочих рук не хватало. Легальные стоили дорого, требовали контрактов, страховок, выходных и не соглашались дышать шоколадными испарениями за так.

Решение Моррисон и Прайс придумали за ужином, под хорошее вино.

— Есть люди, — сказал Прайс, крутя бокал, — которым некуда идти. И есть люди, которым очень нужно куда-то идти.

Схема была элегантна в своей мерзости. На юг, в приграничные городки Мексики и Центральной Америки, поехали неприметные люди — «агенты», вербовщики без опознавательных знаков. Они не давали объявлений. Они распускали слухи — а слух дешевле рекламы и убедительнее:

«В Неваде строят стену. Там платят едой. Там обещают документы — легализацию тем, кто отработает. Приходите. Всех берут».

Слух пошёл по рынкам, по автобусным станциям, по церковным дворам. Он обрастал деталями, как снежный ком — грязью. И тысячи людей, которым действительно было некуда идти, снялись с мест и двинулись на север, в пустыню, к сладкому запаху, что тянуло за горизонт.

А чтобы всё это выглядело не как торговля людьми, а как народная драма, те же агенты запустили второй слух — на север, в большие города, в подворотни и под мосты, туда, где ночуют те, кого страна давно перестала считать людьми:

«У стены раздают бесплатную еду. Приходите. Всех накормят».

И бездомные пошли. Пешком, на попутках, в товарных вагонах. Из городов, где закрывали приюты, где зима обещала быть последней. Они шли в Неваду, к обещанной кормушке, не зная, что их роль в спектакле — массовка. Живая декорация «народной инициативы», за которой можно спрятать испаноязычных рабочих и красивую бухгалтерию.

Когда всё было готово, губернатор Моррисон вышел к прессе.

Он говорил хорошо. Он вообще всегда говорил хорошо — это было его единственным настоящим талантом. За его спиной колыхались флаги, а перед ним колыхались камеры.

— Друзья мои, — начал он, и голос его дрогнул ровно на столько, на сколько нужно. — К нам пришли люди. Тысячи людей. Голодных, обездоленных, бегущих от нищеты и катастрофы. И что мы, американцы, скажем им? Что мы отвернёмся? Что мы захлопнем дверь? — Он выдержал паузу, полную скорби. — Нет. Мы не можем бросить этих людей. Они пришли к нам за помощью. И мы обязаны — обязаны! — их накормить и дать им работу.

Зал аплодировал. Кто-то плакал. Комментаторы назвали речь «моральным ориентиром эпохи».

Никто в зале не знал, что первый транш от «Континентал Инфраструктур» уже неделю как лежал на счету, зарегистрированном на девичью фамилию тёщи губернатора, в банке, чьё название было приятно произносить только по-французски.

Моррисон сошёл со сцены, пожал несколько рук, сел в машину и, глядя в окно на пустыню, где на горизонте темнело сладкое пятно катастрофы, позволил себе улыбнуться — уже без камер.

Пустыня отвечала ему запахом шоколада.

Пахло, если честно, неплохо.

Пока неплохо.

Глава 2. Город на обочине ада

У ада, как выяснилось, был запах. И запах этот был — молочный шоколад.

Не тот, дорогой, с процентами какао на этикетке и портретом плантатора. А дешёвый, приторный, тот, что кладут в детские наборы на Хэллоуин, — только помноженный на семь тысяч квадратных километров и подогретый пустынным солнцем. К этому запаху невозможно было привыкнуть. Он лез в ноздри, оседал на языке, пропитывал одежду, волосы, мысли. Через неделю в лагере человека начинало мутить от одного вида коричневого. Через месяц — от собственной слюны.

Лагерь стоял у подножия Периметра — там, где недостроенная стена вздымалась в небо серыми рёбрами опалубки, а краны кивали, как гигантские богомолы. Официального названия у поселения не было. Официально его вообще не существовало. Но люди — существа, которым нужно всё называть, — окрестили его сами. Англоязычные звали это место **Шоколадным лагерем**. Испаноязычные — с той же горькой иронией — **Городом Надежды**, *Ciudad de la Esperanza*.

Надежды в нём было ровно столько же, сколько в названии дешёвого казино.

Гордон стоял в очереди за баландой и думал о том, что во всём виноват его пончик.

Это была правда, от которой некуда было деться. Три месяца, две тысячи погибших, семь тысяч квадратных километров катастрофы — и в основе всего лежал он, Гордон, младший лаборант сектора биохимического анализа, и кусочек шоколадной глазури с его утреннего пончика, который сорвался с надкушенного края и — в замедленной съёмке, которую он с тех пор прокручивал в голове тысячу раз, — упал точно в открытую чашку Петри с образцом.

Никто не должен был есть в стерильной зоне. Это знал даже уборщик. Это знал сам Гордон — и всё равно ел, потому что в то утро он не выспался, потому что кофе в автомате закончился, потому что жизнь состоит из маленьких «плевать, один раз можно».

Один раз оказалось достаточно.

Гордон был нем — от рождения, — и, может быть, именно немота научила его тому, чему большинство людей не учится никогда: молчать и наблюдать. Сейчас это умение спасало ему жизнь. Немой бомж в лагере, где половина народу не говорила по-английски, был невидимкой. Идеальной. Он отрастил бороду — свалявшуюся, седеющую раньше срока. Он научился горбиться, шаркать, смотреть в землю. Он выглядел как человек, которого сломали давно и окончательно.

Внутри он был натянут как струна.

Потому что Гордон знал две вещи, которых не знал больше никто в этом лагере. Первую: он знал, с чего всё началось. Вторую, куда более важную: он собирался это закончить.

По ночам, когда лагерь затихал — насколько может затихнуть двадцать тысяч отчаявшихся людей, — Гордон выбирался из своей палатки и чертил пальцем на остывшем песке. Схемы. Линии. Прямоугольники технических секторов, спирали вентиляционных шахт, пункты аварийных ходов. Он помнил планировку «Серой мезы» лучше, чем собственное лицо, — он копировал её ночь за ночью, стирал ладонью и рисовал снова, пока не запомнил каждый поворот. Где-то там, под слоями застывшего шоколада, был путь внутрь. Он был уверен. Он должен был быть уверен — иначе оставалось только сойти с ума.

Очередь шаркнула вперёд.

Баланду выдавали из закопчённых армейских термосов двое: рыхлый мужик в майке и вечно потный парень с половником. Сама баланда представляла собой шедевр лагерной кулинарии — воду, вскипячённую с наскобленным шоколадом из озера. Тёплая коричневая жижа, сладковатая, с металлическим привкусом. Она заполняла желудок и почти ничего не давала

телу. От неё пучило, от неё гнили зубы, от неё через месяц начинали дрожать руки. Но её было много, и она была бесплатной, а значит — власть в этом месте держал тот, кто стоял у термоса.

Мужик в майке зачерпнул, шлёпнул порцию в подставленную миску Гордона, глянул сквозь него, как сквозь пустое место, и крикнул «следующий». Гордон отошёл, держа миску обеими руками, и в этот момент — привычно, машинально сканируя толпу, как учат сканировать всех, кто выжил в местах вроде этого, — зацепился взглядом за лицо в соседней очереди.

И замер.

Он знал это лицо.

Женщина стояла через два ряда, в грязной серой робе строительного рабочего, с миской в руках, — но стояла она неправильно. Не так, как стоят сломанные. Спина прямая. Вес на обеих ногах. Взгляд, который на долю секунды обежал периметр — выходы, охрану, чужие руки — и вернулся к термосу. Так стоят люди, которые привыкли к посту. Так стоят те, кого учили, что расслабленное тело — это тело, которое не успеет.

Барни Вэнс. Начальник смены охраны «Серой мезы». Он видел её сотни раз — на КПП, в коридорах, на утренних разводах, где она гоняла подчинённых голосом, от которого хотелось выпрямиться даже уборочному роботу.

Он узнал её не по лицу — лицо изменилось, осунулось, огрубело. Он узнал её по татуировке. Синяя, выцветшая буква **G** на внутренней стороне предплечья — он видел её тысячу раз и всегда думал, что это чьё-то имя, а спросить, конечно, не мог.

Барни почувствовала взгляд. Голову она не повернула — только глаза скользнули в его сторону, за долю секунды сняли с него всё: рост, сложение, посадку головы, руки. И на этой самой доле секунды в них мелькнуло узнавание — острое, мгновенное, тут же спрятанное.

А потом её лицо стало пустым. Она отвернулась к термосу, подставила миску и стала обычной серой женщиной в очереди за баландой. Будто и не было ничего.

Гордон понял. Не здесь. Не при всех.

Он опустил глаза в свою коричневую жижу и пошёл прочь.

Устройство лагеря Гордон изучил за первую неделю — тщательно, как изучал бы схему прибора.

Лагерь делился сам собой, без всякого плана, по единственному закону, который работает всегда, — по языку и страху. Был **англоязычный край**: бывшие водители, вышибленные из жизни ветераны, наркоманы в завязке и срыве, старики, которых выпихнули из закрывшихся приютов, — вся та Америка, которую сама Америка предпочитала не видеть. И был **испаноязычный край** — семьи, молодые парни, целые деревни, снявшиеся с места по слуху о работе и документах. Между двумя краями лежала ничейная земля из мусора, кострищ и взаимного недоверия, и говорили эти две половины лагеря на разных языках не только в буквальном смысле.

Их объединяло ровно одно: и тех, и других сюда заманили обманом. Только они об этом ещё не знали.

По ничейной земле шёл чёрный рынок — тихий, вездесущий, работавший даже там, где не работало вообще ничего. Продавали всё. Чистую воду — за настоящие деньги, которых почти ни у кого не было. Сигареты. Батарейки. Антибиотики сомнительного происхождения. Место в тени. Защиту. Молчание. Валютой служило что угодно, кроме шоколада, — шоколада было в избытке, а в избытке не бывает валюты.

Над всем этим стояли **охранники** — не солдаты, не полиция, а частная охрана, нанятая подрядчиками. Люди в чёрной форме без нашивок, с дубинками и очень гибкими представлениями о добре и зле. Они смотрели сквозь пальцы на драки, если им платили. Они смотрели сквозь пальцы на смерти, если платили больше. Они не поддерживали порядок — они торговали беспорядком, отщипывая от него по кусочку в свой карман. И надо всем этим, невидимая,

но осязаемая, висела схема — та самая, придуманная за ужином под хорошее вино: дешёвая рабочая сила, красивая массовка и деньги, текущие вверх.

Гордон видел всё это и запоминал. Немой и невидимый, он был лучшим наблюдателем в лагере. И то, что он видел, укрепляло его в единственной мысли, которая держала его на плаву: отсюда есть только один выход — вниз. Внутрь. К грибу.

Встретиться удалось только глубокой ночью.

Они выбрали место заранее, не сговариваясь словами, — оба, как звери, отметили одну и ту же точку: дальний угол лагеря, за грудой строительного мусора, где ржавела опрокинутая бытовка и не доставал свет прожекторов с Периметра. Гордон пришёл первым, сел в тень, стал ждать. Барни материализовалась из темноты так тихо, что он вздрогнул, — только что никого не было, и вот она уже сидит на корточках напротив, спиной к железу, лицом к открытому пространству. Профессиональная посадка. Видеть, кто идёт.

Какое-то время они просто смотрели друг на друга. Двое призраков из затонувшего мира.

— Значит, не сдох, — сказала Барни тихо. Голос у неё был хриплый, низкий, будто она давно им не пользовалась. — Лаборант. Гордон, да? Который с пончиками бегал.

Гордон медленно кивнул. И, помедлив, ткнул себя пальцем в грудь, потом изобразил падение чего-то маленького сверху вниз — и развёл руками, обводя всё вокруг: лагерь, стену, шоколадную вонь, весь этот сладкий ад.

Барни поняла мгновенно.

— Так это ты, — сказала она без злости, скорее с усталым изумлением. — Твою мать. Весь этот пиздец — из-за твоего пончика.

Он не отвёл глаз. Кивнул ещё раз. Он заслужил услышать это вслух хотя бы от одного живого человека.

Барни долго молчала. Потом — неожиданно — коротко, невесело усмехнулась и покачала головой.

— А знаешь, — сказала она, — я тебя не виню. Я на тебя посмотрела и думала, что придушу, если встречу. А теперь сижу и понимаю — не за что. Один пончик. — Она усмехнулась снова. — А я на посту сидела. Вся такая при исполнении.

Она замолчала, глядя куда-то мимо него, в темноту, и лицо её на секунду стало голым — без брони, без выправки.

— Я всё видела, — сказала она тихо. — На мониторах. У меня стояли камеры на весь нижний уровень. Я видела, как оно поползло из лаборатории. Сначала думала — глюк, картинка коричневая, ну мало ли, кофе на объектив плеснули. Потом смотрю — оно растёт. По коридору. Медленно так, спокойно. — Её кулак сжался на колене. — У меня палец был на тревоге. Вот прям на кнопке. И я секунды три сидела и думала: а не показалось ли мне. Три секунды, Гордон. Знаешь, сколько эта дрянь жрёт за три секунды?

Он не знал точной цифры. Но он знал, что дело было не в трёх секундах, — резонанс было уже не остановить, когда он пошёл. Он хотел сказать ей это, объяснить, снять с неё вину. Но у него не было голоса, а жестами такое не объяснишь. Поэтому он просто протянул руку и коротко, крепко сжал её плечо.

Барни замерла. Потом кивнула, будто он всё-таки что-то сказал.

— Я выбралась через запасной выход, — продолжила она уже суше, деловито, снова застёгиваясь в свою броню. — Через технический. Дверь заклинило, я её ломом открыла. Вышла в пустыню, а там уже — вот это всё. — Она обвела подбородком лагерь. — Пришла сюда со всеми. Робу нашла, влилась в стадо. Три месяца жру этот жидкий понос и думаю об одном.

Она наклонилась ближе. В темноте блеснули глаза.

— Я туда вернусь. Я должна была нажать раньше — не нажала. Значит, теперь исправлю. Своими руками. — Пауза. — И вот тут появляешься ты. Немой лаборант, который смотрит на меня так, будто у него есть план. Есть у тебя план, Гордон?

Гордон улыбнулся — впервые за три месяца по-настоящему.

Он порылся за пазухой, достал огрызок карандаша и мятый клочок картона от коробки — свои главные сокровища. Присел так, чтобы тело закрывало картон от возможных глаз, и на ощупь, в темноте, начал чертить.

Прямоугольник — комплекс. Кружок сбоку — они, здесь, снаружи. Тонкая извилистая линия от кружка в глубь прямоугольника. Он постучал карандашом по этой линии и вопросительно посмотрел на Барни, потом изобразил руками узкий квадрат — сечение шахты — и «пошёл» по нему двумя пальцами.

— Вентиляция, — выдохнула Барни. Не вопрос. Она поняла. — Старые вентиляционные шахты. Ты хочешь зайти через воздуховоды.

Гордон энергично закивал. Постучал по линии ещё раз, дорисовал в конце маленький прямоугольник и вывел рядом кривые печатные буквы: **ТЕХ. СЕКТОР**.

— Технический сектор, — прочитала Барни. Она прищурилась, и Гордон видел, как в её голове разворачивается та же карта, что жила в его. — Если шахты не забиты этой дрянью, туда реально пройти. Гриб идёт по органике, по коридорам, где люди, где воздух. А сухие воздуховоды он мог и не тронуть. — Она медленно кивнула, будто пробуя план на прочность. — Может сработать. Дохрена «может», но — может.

Она вдруг посмотрела на него по-новому. Оценивающе. Как командир смотрит на бойца, которого решил взять в дело.

— Я знаю этот сектор, — сказала она. — Была там пару раз. Обходы, проверка датчиков. У меня и карта в башке, и, — она чуть понизила голос, хотя тише было уже некуда, — ключ-карта. Высокого уровня. Я её с собой вытащила. Она откроет то, что твоя вентиляция не откроет.

Гордон почувствовал, как что-то тугое, месяцами сжатое у него в груди, наконец чуть разжалось. Три месяца он был один. Один со своей виной, со своими схемами на песке, со своим планом, у которого не хватало ровно одного — второго человека. Человека с руками, с голосом, с ключом. С выправкой, от которой хочется выпрямиться.

И вот она сидела напротив.

— Ладно, лаборант, — сказала Барни Вэнс и протянула ему руку — широкую, мозолистую, крепкую. — Ты — мозги. Я — всё остальное. Договорились?

Гордон пожал её руку.

Где-то за их спинами, за стеной, в семи тысячах квадратных километров сладкой тьмы, медленно дышало Великое Шоколадное Озеро — и не подозревало, что двое доходят в грязных робах только что решили его убить.

Глава 3. Бунт на краю платины

Вода закончилась во вторник.

То есть она не закончилась совсем — совсем она закончиться не могла, потому что тогда лагерь вымер бы за трое суток, а мёртвые рабочие стену не строят. Но нормы урезали. Сначала тихо, потом — приказом, который зачитали через мегафон на двух языках голосом, не терпящим возражений. Теперь на человека приходилось по литру в день. Литр — в пустыне, где днём воздух дрожал над шоколадной коркой, а роботы можно было выжимать от пота уже к полудню.

Зато баланды по-прежнему было залейся. Тёплой, сладкой, коричневой. Гриб, будь он проклят, производил её быстрее, чем люди успевали от неё блевать.

— Понимаешь логику? — сказала Барни как-то ночью, слизывая с губ солёный пот. — Воды нет, потому что вода — деньги. Её везут в цистернах, за неё платят. А эта жижа бесплатная.

Гордон кивнул. Он давно посчитал: при таком раскладе средний человек в лагере протянет месяцев восемь. Рабочий, которого гоняют по шестнадцать часов, — вдвое меньше. Схема, придуманная за хорошим вином, не предполагала, что массовка доживёт до финала. Массовку и не жалко.

* * *

Работа на Периметре была отдельным адом внутри общего.

Тех, кто ещё держался на ногах, каждое утро сгоняли к стене. Таскать. Мешать. Заливать. Держать. Официально это называлось «трудовой программой по помощи бездомным» — той самой, обещанной в слухах. Неофициально это была барщина под палящим солнцем, где надсмотрщиками работали охранники в чёрной форме без нашивок.

Они быстро вошли во вкус. Власть над людьми, у которых нет ни документов, ни прав, ни голоса, ни родины, — власть абсолютная, а абсолютная власть гниёт быстрее мяса на жаре. Били за медлительность. Били за слово поперёк. Били за взгляд, если взгляд не понравился. Один латиноамериканский парень, лет двадцати, упал в обморок от обезвоживания на лесах — и охранник, вместо воды, вылил на него полкотелка баланды и заржал: очнись, мол, обед подан. Парень очнулся. Другому повезло меньше — того унесли и не принесли.

Гордон видел это всё. Немой, сторбленный, невидимый, он таскал арматуру и запоминал лица. Он не был мстителем — месть казалась ему роскошью, на которую у него нет права после пончика. Но он запоминал. На всякий случай. Мало ли, кому потом придётся отвечать.

Барни на общие работы почти не гоняли — робу начальника смены и военную выправку охрана считывала на уровне спинного мозга и предпочитала не связываться. Это было им на руку. Пока Гордон таскал арматуру и составлял в голове карту постов, Барни бродила по лагерю, «своим» кивала, «чужим» смотрела в глаза, и считывала то, что в её прежней профессии называлось оперативной обстановкой. Где охрана, сколько, когда меняются, где слабое звено в заборе, куда не достаёт свет.

Они готовились. Тихо. Медленно. Ждали момента, когда лагерь дрогнет, — потому что оба, каждый своим опытом, знали: он дрогнет. Такие места не стоят долго. Их держит страх, а страх — вещество нестойкое. Достаточно искры.

Искру дал телевизор.

* * *

Звали его Дэвид Аллен, и был он из той вымирающей породы, что ещё называла себя независимыми журналистами. Независимый, злой, с репутацией человека, которому нечего терять, потому что терять ему давно уже было нечего. Три недели он копал историю Периметра — и выкопал.

Его материал вышел разом на всех площадках, до которых он смог дотянуться, — чтобы не успели снять. Двадцать две минуты. Документы. Банковские проводки с зачёркнутыми, но читаемыми реквизитами. Скан контракта между офисом губернатора и «Континентал Инфраструктур» с пометками на полях, сделанными, судя по почерку, рукой самого Прайса. И — вишенкой — переписка. Короткая, деловая, без лишних слов, потому что по-настоящему грязные дела не обсуждают многословно.

«Рабсила будет. Оформляем как гуманитарную инициативу. Ты обеспечиваешь картинку, я — людей».

«Картинка будет. Первый транш — как договаривались, через тещу».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.